

ДВА МИРА - ДВА ОБРАЗА ЖИЗНИ. Письма о далеком и близком

Мы начинаем публиковать письма токаря Львовского производственного объединения имени 50-летия Октября Виктора Ильича Ляховчука, который родился в семье украинца-эмигранта и долгие годы прожил на чужбине. Его родители, покинувшие находившуюся под властью буржуазной Польши Ровенщину в 1928 г., искали счастья во многих странах Северной и Южной Америки, но, поняв, что ни им, ни детям, ни внукам не будет его без отчей земли, вернулись на Родину. Сегодня их сын В. И. Ляховчук - уважаемый во Львове человек: он талантливый рабочий, коммунист, активный корреспондент местной и центральной печати. В своих письмах Виктор Ильич делится воспоминаниями о тяжелой жизни за океаном, сравнивает, насколько она отличается от нашей. (Письма публикуются с сокращениями. Полностью они помещены в "Правде Украины" за 25, 26, 27 июня 1983 г.).

I. Журавль в чужом небе

ДО БОЛИ ОТЧЕТЛИВО ПОМНЮ сентябрьскую ночь 1941 года. Мы тогда жили в Буэнос-Айресе. Отец вернулся с работы не таким, как всегда. Он отказался от ужина, был грустен и молчалив. Сев за стол, уронил голову на свои почерневшие от тяжелой работы руки и заплакал. Только повзрослев, я понял почему. В тот день ему сказали, что гитлеровские полчища захватили Киев...

В тринадцать лет отвел меня отец в мастерскую металлоизделий. Рабочую профессию постигал я трудно и жестоко. И когда сегодня смотрю на наших советских ребят, впервые входящих в заводской цех, теплеет на душе: одеты в добротные спецовки, из карманов выглядывают бесплатные талоны на обед, на тумбочке у рабочего места ожидают учебники. Все это радует, и вместе с тем немного грустно, потому что вспоминаю себя.

Пережитое трудно передать словами хотя бы потому, что для подавляющего большинства советских людей восприятие капиталистического мира носит абстрактный характер.

Ну как, например, выразить ощущение, что ты придаток к машине? Стой у станка и не размышляй. Когда кончилась смена и ты выполнил положенное, никто не подойдет, не похвалит, не скажет доброго слова. Похвала уже в том, что завтра тебя не вышвырнут с работы.

В Южной Америке есть легенда о конкистадоре, который велел, чтобы индейцы сдвинули камень. Для этого поставили сто человек. Они провозились три дня, но камень сдвинуть не смогли. Пришли за помощью. Тогда конкистадор расстрелял пятьдесят человек, остальные сдвинули камень. Иначе их бы тоже расстреляли. Вот по такой системе и действует современный капитализм. Не справятся одни - их заменят другими из числа безработных, что толпятся у проходной. А то и просто могут уволить, внедрив автоматику или ликвидировав предприятие. Человека такой трагической судьбы с певучей украинской фамилией Перепелица я хорошо знал.

Куда только его не забрасывала судьба! Он бывал на юге Бразилии, в Парагвае, на сафре в Тукумане и, наконец, очутился в столице Аргентины с потрепанным чемоданом и деньгами, которых в лучшем случае должно было хватить на два месяца. Снял угол в кишачей детью хибаре и принялся искать работу. Найти ее было непросто. Он простаивал в длинных кашляющих и чешущихся очередях, пока не повезло: его наняли на работу в итальянской электрической компании. Поначалу был на побегушках, а потом ему поручили очень важное, по его понятиям, дело: смотреть за компрессорами.

Перепелица не только смотрел за ними, а буквально вылизывал. И если что-то нарушалось в их ровном гудении, бежал сломя голову докладывать. Он старательно убирал помещение и вытягивался в струнку при появлении начальства. Сникал и уходил, когда рабочие затевали "крамольные" речи. А после доверительного разговора в конторе стал прислушиваться и запоминать фамилии своих товарищей. Рабочие начали его сторониться, при появлении умолкали. Один из немногих, он продолжал работать, когда на место бастующих товарищей вставляли солдаты. Французскую булку и кусок колбасы съедал в одиночестве, закрывшись в компрессорной.

Иван Перепелица не знал ни концертов, ни театра, ни женской ласки. Все проходило мимо него - убаюкивающее гудение компрессоров заглушало и гул социальных битв и голос совести.

Однажды он стоял в порту, наблюдая со стороны, как люди в радостном возбуждении уезжали на Родину и готовы были кричать об этом на весь мир. Кто пел "Катюшу", кто "Адиос, Буэнос-Айрес". Иван стоял в стороне, имея в бумажнике купчую на небольшой домик.

Но лицемерие капитализма, граничащее с издевательством, Перепелица испытал на себе сполна.

Компрессоры перевели на автоматику. А три дня спустя Иван получил по почте извещение о том, что компания в его услугах больше не нуждается. За него попытался заступиться сердобольный мастер.

- Сколько этот человек у нас проработал? - спросил в ответ директор.

- Почти сорок лет, господин директор.

- Подарите ему часы. С надписью.

Продать дом Иван не мог, во всяком случае за наличные. Ему предлагали длительные сроки выплаты, а жить нужно было сегодня. Наступил день, когда бедняге попросту нечего стало есть. Продав часы, он продержался неделю. Потом пустил в дом постояльца. Деньги, которые он получал за квартиру, почти полностью уходили на уплату налогов, а пища становилась все скуднее и скуднее.

Когда мы увидели дым над крышей его дома, проникнуть внутрь попросту не успели: наглухо закрытые ставни и двери были, по-видимому, заколочены изнутри. Вместе с огнем наружу вырвался едкий запах керосина. Но в Буэнос-Айресе не стало одним безработным меньше.

Мне могут возразить: есть другие, более богатые, чем Аргентина, страны, где каждый работающий и предприимчивый человек может рассчитывать на жизненный успех. Но законы капитала везде одинаковы, причем хуже всего работаге- эмигранту. Вспомним, что стало с семьей Половчаков в американском городе Чикаго: она до сих пор судится с властями США за свое воссоединение. Или вспомним о бунтах во Флориде, в лагерях перебежчиков из революционной Кубы, которые думали, что под звездно-полосатым флагом обретут сладкую жизнь, а нашли там полицейские пули и нищету.

В Аргентине мы были тоже чужими. Когда я поступал в колледж, то понимал, что отец не сможет дать мне образование. Вся надежда была на стипендию, и я добивался ее яростно, до зари просиживая над учебниками. По десятибалльной системе у меня вышел самый высокий общий результат - 9,83. Но стипендии не дали, так как к тому времени появился указ, что она может предоставляться только аргентинцам. На заводе, где я работал, мне часто повторяли: "Нечего здесь обсуждать порядки, ты не дома". Однако, когда рабочие поднимали голос за собственные права, то уж тут не было "своих" и "чужих" - всех ожидала жестокая расправа.